Словесность и история. Журнал филологических и историко-культурных исследований
Словесность и история. 2025. № 4. С. 185–203
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2025-4-185-203
Научная статья

Texts and History. Journal of Philological, Historical and Cultural Studies
Slovesnost' i Istoriia, no. 4, 2025, 185–203
ISSN 2712-7591 (Print), ISSN 3034-4514 (Online)
Research Article

Т. В. Игошева

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ВЛАДИМИРА ГИППИУСА В ПОЭМЕ «ЛИК ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ»

Tatiana V. Igosheva

VLADIMIR GIPPIUS'S PHENOMENOLOGY IN THE POEM "THE HUMAN FACE"

Резюме. Предметом рассмотрения в статье является поэма «Лик человеческий» (1922), созданная Владимиром Гиппиусом, более известным в истории литературы тем, что в 1890-е гг. он числил себя среди русских декадентов. Публикации поэмы предшествовало пятилетнее поэтическое «молчание» ее автора.

С внешней точки зрения поэма производит впечатление автобиографического произведения, однако замысел ее более сложный и имеет прямое отношение к комплексу символистских религиозных идей. В своем произведении Гиппиус представил вариант «мистериальной биографии» (Д. М. Магомедова), поставив, таким образом, «Лик человеческий» в ряд аналогичных символистских произведений: «Младенчество» Вячеслава Иванова, «Возмездие» Александра Блока, «Первое свидание» Андрея Белого.

В центре поэтического сюжета расположен «я»-персонаж, являющийся одновременно и объектом изображения, и познающим субъектом. Его познавательные усилия обращены к выявлению сущностных основ как собственной души, так и трансцендентного бытия. Характер проникновения в сущность вещей лирического героя Гиппиуса оказался объективно близок феноменологии восприятия (по Э. Гуссерлю и М. Мерло-Понти), послужившей для автора статьи методологической основой анализа одного из центральных сюжетно-мотивных комплексов поэмы — мотива музыки. В результате такого рассмотрения была выявлена ключевая сюжетно оформленная гносеологическая антиномия: мертвящему рационализму, разлагающему единство картины мировой жизни, научной картине мира, обманывающей человека, противопоставлено феноменологическое видение, присущее «я»-персонажу, позволяющее ему постичь божественное единство и гармонию бытия, в которое включено персональное существование его бессмертной души.

Ключевые слова: Владимир Гиппиус, поэма, «Лик человеческий», автобиография, религиозные мотивы, самопознание, богопознание, феноменология

Информация об авторе: Татьяна Васильевна Игошева, доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Отдела новейшей русской литературы, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, tigosheva@mail.ru; ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-4956-2293.

Для цитирования: *Игошева Т. В.* Феноменология Владимира Гиппиуса в поэме «Лик человеческий» // Словесность и история. 2025. № 4. С. 185-203.
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2025-4-185-203

Abstract. This article deals with the poem "The Human Face" (1922) by Vladimir Gippius, who in the history of literature is better known for the fact that in the 1890s, he considered himself a member of the Russian decadents, the senior Symbolists. The publication of the poem was

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial-NoDerivatives 4.0 International

preceded by a five-year poetic "silence" of its author. From an external point of view, the poem gives the impression of an autobiographical work, but its concept is more complex and has a direct relation to the complex of Symbolist religious ideas. In his work, Gippius presented a version of the "mystery biography" (D. M. Magomedova), thus placing "The Human Face" in a series of similar Symbolist works, such as "Infancy" by Vyacheslav Ivanov, "Retribution" by Alexander Blok, and "First Date" by Andrei Bely.

At the center of the poetic plot stands the "I" character, who is both the object of the image and the cognitive subject. His cognitive efforts are directed towards the revelation of the essential foundations of both his own soul and transcendental existence. The nature of the penetration into the essence of things by the lyrical hero Gippius turned out to be objectively close to the phenomenology of perception (according to E. Husserl and M. Merleau-Ponty), which served as the methodological basis for the analysis of one of the central plot-motive complexes of the poem in this article. The present study reveals a key plot-forming epistemological antinomy. The deadening rationalism that decomposes the unity of the picture of life in the world and the scientific picture of the world that deceives man is juxtaposed to the phenomenological vision inherent in the "I" character. This vision allows him to comprehend the divine unity and harmony of being, which comprises the personal existence of his eternal soul.

Keywords: Vladimir Gippius, poem, "The Human Face", autobiography, religious motives, self-knowledge, knowledge of God, phenomenology

Information about the author: Tatiana V. Igosheva, Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Institute of Russian Literature (Pushkinskii Dom) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, tigosheva@mail.ru; ORCID ID: 0000-0001-7988-204X.

For citation: Igosheva, T. V. (2025). 'Vladimir Gippius's Phenomenology in the Poem "The Human Face"', *Slovesnost' i Istoriia [Texts and History]*, 4, 185–203.
https://doi.org/10.31860/2712-7591-2025-4-185-203

Спустя более пяти лет поэтического молчания[1], в 1922 г., Вл. Гиппиус выпустил в свет поэму «Лик человеческий» [Гиппиус 1922]. На ее выход восторженной рецензией откликнулся Р. В. Иванов-Разумник: «радость — поистине нечаянная: поэма Влад. Гиппиуса „Лик человеческий“[2]. Вот уж подлинно: сидел человек сиднем (так казалось) тридцать лет и три года (как в былине сказывается не только про Илью, но и про Добрыню Никитича) — и вдруг написал громадную эпическую поэму „песен в двадцать пять“[3], современнейшую, напряженную, захватывающую» [Иванов-Разумник 1922b, с. 129][4]. Обращает на себя внимание, что критик в своем отзыве не только поместил гиппиусовское произведение в один ряд с «биографическими поэмами» рус-

[1] Предыдущие поэтические публикации — сборники стихов «Ночь в звездах» (1915; 1917) и «Томление духа» (1916), а также поэма «Влюбленность» (Альманах муз. Пг.: Фелана, 1916).

[2] В рецензии Иванова-Разумника, опубликованной в «Летописи дома литераторов» [см. Иванов-Разумник 1922a], название поэмы иное — «Подвиг страстный».

[3] Цитата из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина.

[4] Несмотря на воодушевленный пафос Иванова-Разумника, поэма Гиппиуса «Лик человеческий» до сих пор практически не привлекала к себе внимание исследователей. Данная статья — один из первых опытов ее литературоведческого рассмотрения.

ских символистов, но и выделил его в качестве единственного завершенного среди них: «Огненное „Возмездие“ Блока осталось незавершенным; „Младенчество“[5] Вяч. Иванова едва начато; из задуманных „Трех свиданий“ Андреем Белым написано пока лишь „Первое свидание“[6]. И законченная, цельная „поэма песен в двадцать пять“ Влад. Гиппиуса заполняет свободное место, а самого его, мало кому известного лирического поэта, ставит в первые ряды старших поэтов символизма» [Иванов-Разумник 1922b, с. 129].

Установить взаимосвязь перечисленных критиком символистских поэм позволяет не только их биографическая основа, но и — что гораздо важнее — религиозная антропология и феноменология, организующие жизненный материал в ту жанровую разновидность, которую Д. М. Магомедова зорко подметила и обозначила понятием «мистериальная биография» [Магомедова][7]. Как для названных произведений символистов, так и для «Лика человеческого» Гиппиуса автобиографическое начало, по точному замечанию Иванова-Разумника, — «лишь внешний прием».

На первый взгляд, поэма действительно выглядит как рассказ о семье и событиях из жизни Гиппиуса. Однако внепсихологическая трактовка образов отца и матери, Александра Добролюбова, сыгравшего совершенно особую роль в личностном и творческом становлении Гиппиуса, жены и сына, умершего в раннем возрасте, да и самого лирического героя «Лика человеческого» — не позволяют определить ее в качестве традиционной автобиографической поэмы. Ее замысел сложнее и имеет непосредственное отношение как к комплексу символистских религиозных идей, так и к поэтике русского символизма. Автор в ней не ограничивается ни миметическими задачами (реальный мир у него хоть и изображен, но явно имеет подчиненное значение), ни работой воображения, моделирующего вымышленный сюжет. Ее тема — переживание драматичности человеческой жизни и страстная жажда богообщения, ведь, по замечанию Л. Гоготишвили, «символизм вообще есть концепция диалога человека с Богом, — и диалога вообще» [Гоготишвили, с. 167]. В этом отношении, кроме уже названных символистских поэм, важной для понимания особенностей «Лика человеческого» является также и мелопея Вяч. Иванова «Человек», написанная в 1915-м, но опубликованная лишь в 1939 г.[8]

---

[5] См.: [Иванов Вяч.].

[6] См.: [Белый 1921].

[7] В работах С. Д. Титаренко рассматриваются «Младенчество» Вяч. Иванова, «Возмездие» Блока в аспекте «мистериальной биографии». См., например: [Титаренко 2016].

[8] Задача сопоставления двух произведений в данной статье не ставится, поскольку является предметом самостоятельного исследования. Анализу «Человека» Вяч. Иванова посвящен ряд работ. См., например: [Титаренко 2009; Федотова].

Центральная фигура поэмы — автобиографичное в своей основе поэтическое «я», являющееся одновременно и объектом изображения, и познающим субъектом; и в этом тождестве противоположностей оно прежде всего и представляет самостоятельный интерес для автора, являясь для него носителем особенного опыта, т. е. выступающее как трансцендентальное «я», ведущее познание, не сводящееся исключительно к эмпирическому и рациональному, а тяготеющее к феноменологическому восприятию трансцендентного бытия и транслирующее свой опыт в художественном слове.

Феноменология Гиппиуса в «Лике человеческом» проявляется в сюжетно оформленном самопознании автобиографического субъекта, неразрывно сопровождаемого его рефлексией над этим процессом. Вместе с тем в согласии с представлением М. Хайдеггера о том, что феноменология является ключом к онтологии [Хайдеггер 2013, с. 35], наряду с поэтической интроспекцией в поэме Гиппиуса представлена открывшаяся сознанию его поэтического «я» картина высшего бытия, являющаяся результатом его личного религиозного восприятия.

Автобиографический герой гиппиусовской поэмы, выступающий в роли мыслителя, стремящегося проникнуть в саму сущность вещей, начинает с критики предшествующей философской традиции, одним из представителей которой для него является И. Кант. Известно, что теория познания Канта вызывала бурное неприятие русских символистов, категорически не соглашавшихся с его мыслью о пределах познания, невозможности постижения мира в его сущности. Среди таких антикантовских выступлений можно вспомнить, к примеру, А. Блока со стихотворением «Иммануил Кант» (1903) или Андрея Белого со стихотворением «Под окном» (1908), а также «Второй симфонией» (1902). В своем труде «Душа самосознающая» Белый, противопоставив рационализм Канта символистской ставке на интуицию, раздвигавшую пределы реальности, назвал его «бессмертным Кощеем, из могилы восставшим» [Белый 2004, с. 185], подчеркнув таким образом мотив мертвенности кантовской гносеологии. Символисты считали, что ограничения немецкого философа удалось преодолеть Вл. Соловьеву, открывшему принципиально новые пути для проникновения в онтологические глубины. По выражению Н. Бонецкой, «кантовский агностицизм, в глазах русских мыслителей, был упразднен „свободной теософией“ Соловьева, проложившей новый путь к последней тайне бытия — путь в обход столбовой дороги неокантианства и позитивизма» [Бонецкая, с. 241].

Гиппиус в поэме различает два вида знания, подчеркивая, что приводят они к разным результатам:

Если есть
Мышленье, мыслить — значит числить. Здесь
Не численная утаилась тайна —
За мыслимым — немысленное знанье...
[Гиппиус 1922, с. 251]

Подобно другим символистам, автор «Лика человеческого» считал, что за пределами рационально познаваемого мира расположен мир иной, «реальнейший», — по слову Вяч. Иванова, — неподвластный нормам, установленным кантовской гносеологией.

В поэме Гиппиуса Кант выступает прежде всего как философ, отвергавший доказательства бытия Бога:

Решаю так — мудрец я иль простак —
(Один с другим каким-то краем сходствен):
Есть — здание, так — стало быть — есть Зодчий, —
А Зодчему, — по малой мере родствен
План — здания; Его расчет и страх, —
Страх — творческий, — как предразмыслить бревна —

Фундамент и цемент... Он, словом, строил, —
А выстроиться сам — не то, что храм, —
Сарай не мог бы — выдуматься сам.
Вот доказательство: оно простое
И древнее... Его же отверг сам Кант, —
Так верно же чего-нибудь — да стоит!

Ведь Кант пришелся папенькой — Ренану...
Был немец щуплый, — хоть солидным слыл —
За то, что в Кенигсберге отлучил —
Сияние от Духа, — предложив:
Взамен Христа, — почтить — Императив
Категорический: вот так — Осанна!
[Гиппиус 1922, с. 275–276]

Вне всякого сомнения, речь здесь идет о пятом — телеологическом — доказательстве бытия Бога, состоявшем в том, что целесообразность устройства мира указывает на присутствие в мироздании Бога-Творца. Гиппиус разворачивает поэтическое уподобление мира архитектурному сооружению, а Бога — Зодчему, осуществившему свой план постройки бытия. Помимо того, Кант для автора поэмы — нигилист, отвергший Христа, поскольку христианской этике, основанной на учении Христа, немецкий философ противопоставил категорический императив, положенный в основу его внерелигиозной этики.

За неприятием Канта скрыто более широкое отрицание автором поэмы «„культурного сознания“ европейца нового времени» [Гиппиус 1918, с. 106], исторически возникшего в результате научной революции XVII–XVIII вв.:

Европа мыслит в числах. ⟨...⟩
И — сталось так, что колебанья мысли
Она сочла — за вещество...
[Гиппиус 1922, с. 252]

С большой долей иронии Гиппиус выражал свое несогласие с европейским сциентизмом, вступившим в конфронтацию с христианской системой ценностей:

Души, мол, — нет! А есть — «конгломерат» —
Каких-то там толканий и дрожаний, —

Есть — толчея!.. Добро бы — беснованье
Вилявых бесов — нет, частиц мельканье
⟨...⟩
А имя каждой из таких крупиц
(Беззвучнее им не дал бы названье —
Сам ад!) есть — атом... (вроде восклицанья, —
Когда не продохнешь, хоть — задохнись!)
[Гиппиус 1922, с. 220–221]

В качестве представителя современного умственного развития Европы в поэме расценивается и Э. Ренан[9]. В своей книге «Жизнь Иисуса» (1863) в фигуре Христа автор показал лишь историческую личность, но отнюдь не Богочеловека, и, стоя на позициях рационализма, он в своем труде принципиально отказался изображать чудеса, о которых рассказывается в Евангелиях. Вот почему Ренан для Гиппиуса — наследник Канта, который «пришелся папенькой — Ренану».

В контексте критического отношения Гиппиуса к европейской мысли в поэме вполне закономерно появляется имя еще одного нигилиста — Ф. Ницше:

О, мир созвучий!.. Рифму, — рифму — к Нитцше!
Какая ж свище — в этой шибкой притче,
Чем некто — в Мюнхене гуляя: «прытче» —
Пришпилил, — шут!.. «Дух провонял давно...»
А нам-то — мнилось, — угонись, — поди ж ты:
«Европа дряхлая — как труп — гниет!»
[Гиппиус 1922, с. 255]

[9] Ср.: рецензент «Весов» характерно определил работу Ренана «трудом „крайних выводов“ отрицания» [Аркос, с. 93].

Ницше, безусловно, не принадлежит к рационалистам: его отличие от немецкой классической философии заключалось прежде всего в том, что в своих произведениях он уже не ставил задачи построения целостной и всеобъемлющей философской системы, создавая скорее свободные художественные произведения, нежели строгие философские трактаты. Общность с Ренаном у Ницше обнаруживается не столько по признаку рационалистичности, сколько на основании отрицания Божества. В одной из своих статей 1914 г. Гиппиус сформулировал: «...ницшеанство и осталось в пределах ницшеанства, т. е. безрелигиозности» [Гиппиус 1914, с. 10].

Слова «Дух провонял давно», приведенные в поэме, отсылают к выражению из восьмой песни «Так говорил Заратустра»: «Разве ты не слышишь запаха бойни и харчевни духа? Разве не стоит над этим городом смрад от зарезанного духа?» [Ницше 1990, с. 126]. В «Веселой науке», в свою очередь, имеется близкая по смыслу фраза: «И носы наши — разве не чуют они вонь гниющего Бога? — Ведь и Боги тлеют!» [Ницше 1901, с. 147]. Не подлежит сомнению, что отмеченные выражения варьируют знаменитую ницшевскую фразу «Бог умер! Бог не воскреснет!» [Ницше 1901, с. 147], которую, на наш взгляд, точно прокомментировал М. Хайдеггер: «Слова „Бог мертв“ означают: сверхчувственный мир лишился своей действенной силы» [Хайдеггер 2007, с. 246]. И если Кант отвергал лишь возможность познания трансцендентного, то Ренан и Ницше подвергли сомнению уже сам факт его существования, его онтологический статус.

Необходимо сказать, что показательная критика автора «Так говорил Заратустра» в «Лике человеческом» имеет и автобиографическую подоплеку: рассматривать ее, вне всякого сомнения, необходимо с учетом гиппиусовского увлечения Ницше, пришедшегося у него на 1890-е гг. В поэме об этом времени он вспоминал так:

> За истиной, — к кому блудил, — просить, —
> Об утоляющей и страстной пище, —
> Каких питий — безогненных — испить?
> Чьим именем божился?.. Нитцше, Нитцше!..
> [Гиппиус 1922, с. 208]

В своей более поздней автобиографии он пояснял: «...середина 90-х годов, уже эпоха бурного декадентства ⟨...⟩ В религии я стал атеистом, эстетика победила религиозность. ⟨...⟩ Мораль отрицалась вся — вполне, без уступок» [Гиппиус 1996, с. 120]. И далее: «Я был нитцшеанцем» [Там же, с. 124]. В начале 1920-х гг. Гиппиус вновь носитель религиозного мировоззрения, яркой иллюстрацией которого и является поэма «Лик человеческий». Не случайно в противовес апистии европейской мысли Гиппиус выдвигал свой символ веры:

Я не спирит, столов я не вертел,
Я душ, тела забывших, не тревожил, —
Я адских бы проклятий не презрел,
Но не склонился бы к тщете безбожья:
Я знаю Бога!
[Гиппиус 1922, с. 228]

Руководствуясь европейским образом мысли, как считал Гиппиус, невозможно ответить на целый ряд мучительных и жгучих вопросов, вставших перед человеком:

И что есть дух? Не — кровь? Не — плоть? Не — вещь?
Вот он! — спросил, — а я — его! Услышал. —
Кто мне ответствовал? Дышу. — Кто дышит?
Свет или я? Кто смел всему — зажечь:
Мерцанье — блеск — звучанье? — выше — ниже —
Внутри — во мне? Порядок?.. хаос?.. вечность?..
[Гиппиус 1922, с. 254]

С его точки зрения, научная картина мира, свойственная европейскому сознанию, способна лишь вводить в заблуждение:

...Мы живем в обмане —
По курсам злости, веруя, что свет
Есть излучение седых планет.
Что есть — испарина, а — плоти нет, —
Что «дух воняет», но что «Grand Peut être» —
Сияньями мирскими управляют...
[Гиппиус 1922, с. 265]

Выражение «Grand Peut être», присутствующее в приведенном фрагменте, — часть предсмертной фразы «Я иду искать Великое Может быть», которую, как гласит легенда, произнес писатель-гуманист Франсуа Рабле. Таким образом, французский писатель Возрождения присоединен в поэме к галерее европейских скептиков и нигилистов[10]. Мысль, не способная дать ответ на мучительные для человеческого духа вопросы, связанные с посмертным бытием; мысль скептическая; мысль, искажающая действительную картину бытия, по Гиппиусу, лишена благодати:

[10] В неопубликованном черновом автографе статьи Гиппиуса «Любовь тоскующая» (1914), посвященной десятилетию со дня смерти А. П. Чехова, также упомянута фраза «великое „может быть“», но отнесена она не к Рабле, а к имени Ренана: «Ренановское великое может быть» (РО ИРЛИ. Ф. 77. Ед. хр. 162. Л. 12 об.). Таким образом, выражение «великое „может быть“» в лексиконе Гиппиуса, уже не привязанное к своему источнику — Рабле, — является выражением значения скептицизма.

Безблагостна мне ваша — благодать...
Европа, — если ты была мне — мать, —
Я — непочтительный твой сын! ослушник!
[Гиппиус 1922, с. 277]

При взгляде на земную жизнь с позиций европейского Просвещения возможно получить лишь картину «страшного мира». Следуя этим путем, лирический герой поэмы словно совершает своеобразное «нисхождение», окунаясь в жуть человеческой жизни:

А вкруг шумел парад веков вселенский,
Вой и галдеж — бесовских голосов...
⟨...⟩
И — покупают на продажах — тело,
Распределяя веско меж собой;
И режутся из-за одной постели —
Кому достанется — на миг ночной; —
И волочатся за чужой женой, —
И — жертвуют за женщину мечтой.

И — вешают — на взмыленных веревках,
Борцов — за то, что страстны и честны;
И — подлецам житьё, — и — жить неловко —
Тому, кто верит иначе, чем — вы, —
Тесня рабов и вызволяя войны...
И — все мы вместе взятые — черны, —

Как — головни!.. Все это — есть и — было, —
А — будет ли?.. Не мыслю, — не приму —
Такого омерзительного мира, —
И раньше времени — усну, умру, —
Но не пойду, — не разделю на пире —
Ни рюмки! — с тем, кто — праведных теснит...
[Гиппиус 1922, с. 260–263]

«Я»-персонаж поэмы, как бы временно встав на позиции неприемлемого для него способа и результата восприятия реальности («...не приму — Такого омерзительного мира...»), воочию увидел чудовищное в своем насилии и безнравственности земное существование, что неизбежно привело его к заключению о том, что «мир лежит во зле!» [Гиппиус 1922, с. 264], а значит, над всем царствует смерть и тление. С этой точки зрения, жизнь неуклонно движется к смерти:

Да — света нет! Да — никогда — из гробов
Не встанут светотканные тела!

Пусть стынет лед. — Кровь не нужна Завета, —
Единственная Слава — не нужна, —
Рай — не потребен! Над всемирным склепом
Пусть кажет мертвое лицо луна, —
Пыланье солнечное — сменит тьма, —
И звезды черные — поглотит бездна!..

Пусть воронье подохнет в свой черед,
Перетрудив и собственную падаль, —
И — в бурный города придут упадок —
И в вихревой впадут ветроворот, —
И взвоют воды — теплой воле рады,
Покамест — в крайний не сплотятся лёд!

И станет лёд!.. Чтобы ледоворот —
В безобразный бы впал — вихречерёд...
И, — в идиотском закрутившись танце, —
Крупа развергнется — дробясь — в пространстве, —
Пока какой-нибудь гулявый черт —
От делать нечего, — всё — не сожрет!

Так вот она, — безбрежная мечта —
Научной трезвенности — правды здравой...
Или — пьянчужной хитрости — лукавой?..
Улыбка роковая — мертвеца?
Или и — впрямь, — нам просвещенье — в язву?
Эмблема человечья — слепота?
[Гиппиус 1922, с. 273–274]

Подлинное сознание поэтического «я» поэмы, преследующего цель действительного проникновения в сущность явлений, не имеет ничего общего ни с этим житейским восприятием жизни, ни с разлагающим рационализмом и скептицизмом, порожденными европейской мыслью. В этом качестве он словно руководствовался знаменитым лозунгом Э. Гуссерля «Назад к вещам!». Комментируя этот призыв, М. Мерло-Понти отмечал: «Вернуться к самим вещам — значит вернуться к этому миру до знания, ⟨...⟩ в отношении которого всякое научное определение будет абстрактным, знаковым...» [Мерло-Понти, с. 7]. Научная картина мира, по мнению Гиппиуса, — проявление умственной слепоты современного человека. Безобманным осознанием бытия может считаться лишь то, из которого вынут рефлексивный анализ и научное объяснение, т. е. по существу — феноменологическое восприятие. Поясняя идейные основы философии Гуссерля, Мерло-Понти подчеркивал: когда речь идет о феноменологии, имеется в виду «описание, а не объяснение или анализ» [Мерло-Понти, с. 6].

«Научной трезвенности», для которой все явления жизни упираются в смерть, Гиппиус противополагал внутренний опыт своего «я»-персонажа, охваченного томлением духа и метафизическим беспокойством и стремящегося к созерцанию сущностей своим внутренним взором. Соответственно, в качестве антитезы мотивам смерти в поэме Гиппиус выдвинул тему Рождества, трактуемого им как чудо воплощения, как залог и обетование бессмертия души человеческой:

Но мир — во Зле... Я нашепчу привет
Тебе — из книги пламенных сказаний:
Его поведал мне бывалый дед —
И книгочий, и умудренный странник, —
И не поверили: сказали — бред...
Родился мальчик: Мальчик тот был — Свет!

И в ту же ночь над миром воссияла —
Звезда необычайнейших лучей.
Она смутила всех мирских царей, —
Она им — прямо в сердце — засверкала, —
И мудрецов — и всяческих людей, —
Всех изумила и к себе сзывала.
⟨...⟩
И трое мудрых — в наступленье утра —
Вошли к царю и спрашивали: — где?
Мы шли по изумительной звезде!
Где явлен — Новорожденный земле —
Царевич Божий — от Светов премудрых —
Отца и — Сына и — Святого Духа?
[Гиппиус 1922, с. 266–267]

В своей статье «Предчувствия» (1918) Гиппиус рассуждал в числе прочего и о познавательной природе Евангелия, о том, что это — попытка постичь иную реальность. Если поддержать его в этом вопросе, то можно сказать, что это постижение ведется как раз на путях описания (подчас простодушного и детски-наивного), а не анализа и рационального объяснения. Вместе с тем в той же статье Гиппиус подчеркивал, что даже евангельское слово «бессильно достичь живой сути, единственнейшего из всех учений — самой Живой Истины» [Гиппиус 1918, с. 115]. И в другом месте: «Евангельские события, недостижимы никакой словесностью в их внутренней и всемирной значительности» [Гиппиус 1918, с. 108]. И все же, несмотря на некоторое осознаваемое несовершенство религиозного восприятия, у него, по Гиппиусу, гораздо больше возможностей, чем у рационализма. Оно обладает особой оптикой, обретаемой в процессе духовного «восхождения» человеческой личности: перед ним способна открыться идеальная сущность земного мира,

мистериальная тайна космического бытия; а в красоте и целесообразности его устроения — обещание бессмертия души:

Я знаю: если звезды любят небо,
А солнце землю — греет и поит —
И — светит травами и — всходит хлебом,
И человек — не только хлебом сыт, —
⟨...⟩
Я буду находиться — там — во всём, —
И никогда не разольюсь бескрайно, —
Но — сжатым воздухом, — текучим сном, —
Осуществленною бескрайно тайной, —
Не истомляясь чередой времен —
И неподвластный — обликам случайным...

И будут ангелы — давать мне пить
Дыханье света, ибо я — сиянье, —
И ангелам я буду приносить —
Мое нерастворенное дыханье, —
Чтобы они могли, его вкусив, —
Меня хвалить — за то, что я — их ангел...
[Гиппиус 1922, с. 248]

О том, что подобное созерцание духовной основы мироздания осуществимо исключительно для религиозного сознания, Гиппиус писал и в уже цитировавшейся выше статье «Предчувствия»: «Религия тянет к полному — не отдельному, не мгновенному — всеразрешению, всеизменению, — такому полностью и навеки открывшемуся — всем душам всех людей, что не остановит на любовании, на улыбках, слезах умиления и восторгах, но, разрешив души огнем („Огонь пришел, Я низвергнут на землю...“) претворит их — вызволит из них! — иное Царство» [Гиппиус 1918, с. 113].

Иными словами, в качестве антитезы и «страшному миру», и «опустевшей области сверхчувственного» (как выразился Хайдеггер о ницшеанском нигилизме [Хайдеггер 2007, с. 242]) Гиппиус в поэме развернул описание «реальнейшего» бытия, «иного Царства», которое для феноменологического восприятия его героя — непреложная данность, «неустранимое присутствие» [Мерло-Понти, с. 5], существующее *до* любого познания.

Характер погруженности в созерцание сущностей «я»-персонажа поэмы заставляет вспомнить о «внутреннем человеке» Аврелия Августина. Средневековый философ был тем, кто «открыл в экзистенциальной достоверности человека доступ к сверхмирной и сверхобъективной реальности» [Элен, с. 35], и к тому же, как отмечают исследователи, именно он оказал большое влияние на развитие феноменологии [Гагарин, с. 64].

Передавая вложенный Августином смысл в одно из центральных понятий его философии, современный исследователь отмечает: «*„Внутренний человек“, „homo interior“* Августина одержим метафизическим беспокойством, погружен в тайники собственной самости, и ведом высшим законом, укорененным в собственное сердце — Законом Божьим» [Гагарин, с. 64]. Примечательно, что Гиппиус-критик активно оперировал понятием «беспокойство», которое в его случае также уместно будет определить как метафизическое. В его критических статьях нередко встречается словосочетание «святое беспокойство»[11], в том числе так поименована одна из его статей[12]. Обладатели «святого беспокойства» для него те, кто охвачен «жгучей тайной непознаваемости» [Рыкунина, с. 216]. Так, «трансцендентные символисты», как называл Гиппиус младшее поколение символистов-соловьевцев, «были полны „непонятной тоской“, той великой тоской, которая и соприкоснула поэзию с мистикой» [Рыкунина, с. 219].

По признаку метафизического беспокойства, свойственного душе «я»-персонажа поэмы «Лик человеческий», он вполне может быть соотнесен с «внутренним человеком», которому (в отличие от «внешнего человека») — с уверенностью писал Августин — доступно богопознание. «...Старайся познать, что такое высшее согласие, вне себя не выходи, а сосредоточься в самом себе, ибо истина живет во внутреннем человеке; найдешь свою природу изменчивой — стань выше самого себя» [Августин, с. 441]. Современник Гиппиуса русский философ С. Л. Франк резюмировал: «Не иди вовне, — говорил тот же бл. Августин, — иди вовнутрь самого себя; и когда ты внутри обретешь себя ограниченным, перешагни через самого себя!» [Франк, с. 97]. Словно следуя наставлениям средневекового философа, автобиографический персонаж Гиппиуса от внешнего мира обращается внутрь, вглубь своей души и именно там находит подтверждение непреложности «царства Божия»:

Рай утверждается — чем? бытиём,
Рай извлекается, — вглядись — в своё!
Рай иссекается — крутым кремнём, —
Рука дрожащая — да не устанет!
[Гиппиус 1922, с. 251]

Переживание невидимого мира как безусловной, истинной реальности противоположно обманной картине земного существования, созданной в результате работы научной мысли. И совершенно не случайно во второй строке

[11] Выражение «святое беспокойство» Гиппиус заимствовал из стихотворения Н. А. Некрасова «Уныние» (1874).

[12] См.: [Гиппиус 1913]. Более детальное рассмотрение понятия «святое беспокойство» в критическом творчестве Гиппиуса см.: [Игошева].

приведенного фрагмента звучит призыв вглядеться в самого себя, чтобы утвердиться в подлинности реальнейшего бытия.

Самостоятельного внимания заслуживает соотнесение образа рая с музыкой, формирующее важный феноменологический мотив в поэме:

Есть рая — запах! Музыка всего:
Мечтательный — он окрест нас мерцает, —
Но в слух, его внимающий, — вникает, —
Чуть шевельнёт — и четко улетает, —
И в музыке ты емлешь — вещество
Вещей, — действительное естество!
[Гиппиус 1922, с. 251]

Словно бы комментируя две последние строки приведенного фрагмента, Гиппиус, понимая основу мироздания как музыкальную структуру, в статье «Предчувствия» писал: «Бог не поет Сам, — Он только произнес один бытийный Звук, но поет мир, созданный Его Звуком, и восхищённее, и стремительнее всех вещей, всех звучащих тел — тело человеческое» [Гиппиус 1918, с. 109]. С его точки зрения, музыка обладает онтологической модальностью, поэтому она — «действительное естество». Но, помимо того, «музыка в нас самих» [Гиппиус 1918, с. 105], уверен поэт. «Внешний человек» может молчать, но одновременно с этим его «внутренний человек» полон музыки:

...и я молчу — безгласный, —
И я звучу — открытый — небесам!
[Гиппиус 1922, с. 29]

Поскольку музыка — «действительное естество мира», и одновременно «музыка в нас самих», она, по Гиппиусу, способна стать мостом от реального к реальнейшему: «...звуковыми ощущениями открывается сознанью Божье существо» [Гиппиус 1918, с. 108]. Музыка, живущая в душе человека, способна «докоснуться до Самого Существа, до воскресения, до вселенского чуда» [Гиппиус 1918, с. 105]. Вместе с тем Гиппиус настойчиво подчеркивал познавательный потенциал музыки, пребывающей в человеческой душе: «Песня — музыка — раздвигает сознание, потрясая, окрыляя, вознося сердца»; «Не насыщаясь зрением, существо человека в музыке познает слухом — в звуках, а не „явлениях“»; «музыка несет к таинству» [Гиппиус 1918, с. 108].

Развивая тему диалога с божеством, Гиппиус выражает мысль о том, что музыкальное звучание «внутреннего человека» направлено навстречу поющему Духу. Задачей же «я»-персонажа в этом коммуникативном акте — уловить музыку «являемой сущности мира» [Гиппиус 1918, с. 108]:

Улавливай же музыку во всем,
И будешь в истине — доступной духу,

Стремительные простирая руки —
К пронзительно-замедленному звуку, —
Или решай: на мертвую разлуку —
С поющим Духом, — дух наш осужден!..
[Гиппиус 1922, с. 92]

Тема музыкального звучания мира, человека и Божества, безусловно, хорошо узнаваема: ее источник — значимая для русского символизма философская концепция «духа музыки», восходящая к Ницше, и столь значимая в творчестве Блока. Однако Гиппиус сумел придать ей достаточно оригинальные авторские черты, сделав ее важнейшим компонентом своей феноменологии. Мерло-Понти, поясняя задачи феноменологии, писал: «...это изучение сущностей, и все проблемы, соответственно, сводятся к определению сущностей: сущности восприятия, сущности сознания, например» [Мерло-Понти, с. 5]. В случае с Гиппиусом — сущности человека и потаенной основы бытия в целом.

Субстанциональное свойство человеческой души — бессмертие, которое переживается «я»-персонажем поэмы не столько в качестве умозрительного святоотеческого учения, сколько в виде напряженного экзистенциального чувствования. Вглядываясь в своего «внутреннего человека», вслушиваясь в его музыкальное звучание, лирический субъект, совмещающий в себе и объект познания, обнаруживает в глубине своей души подтверждение ее бессмертной сущности:

Я воскресенье потому зову,
Что я его, — как блеск незапный — чую...
Я родился — и для того живу,
Чтобы осилить тягу праха злую...
[Гиппиус 1922, с. 227]

Самопознание гиппиусовского «я»-персонажа направлено не столько на самоопределение в земном существовании, сколько на самоосуществление себя в бессмертии:

Я не погибну, — я рожден — бессмертным;
Меня земля стремительно стремит! —
[Гиппиус 1922, с. 248]

Воскреснем все! Твоим дыханьем свыше,
По возгласу архангельской трубы...
[Гиппиус 1922, с. 64]

Кульминацией для «я»-персонажа поэмы становится его мистическое прикосновение к высшей истине — Богу, который является для него такой же феноменальной очевидностью, как и бессмертие души. Экстатическое единение персонального «я» с трансцендентным несет ему переживание полноты

единственно подлинного бытия. Два вектора феноменологического восприятия — самопознание «я»-персонажа и богопознание — сливаются в единый процесс, приводя его, как итог, к встрече с Богом:

О, пусть томленью моему поверят, —
Мне смерть порукой: я узрел Тебя!
[Гиппиус 1922, с. 63] —

открывая ему истину грядущего мирового пресуществления:

Христос — воскрес! Вселенная готова —
Преобратить истленье — в божество!
[Гиппиус 1922, с. 85]

Идея религиозного преображения мира и человека объективно сближала Гиппиуса с концепцией, которую в своем творчестве развивали писатели-символисты [13].

Подытоживая разговор о феноменологии в поэме «Лик человеческий», стоит еще раз сказать о том, что Гиппиус на всем протяжении своего произведения подчеркивает активное состояние сознания своего «я»-персонажа, т. е. его интенциональность в познавательном процессе, направленном на созерцание сущностных основ бытия. Познавательные, а точнее, созерцательные усилия гиппиусовского персонажа, обладающего религиозным опытом, как видно из предложенного в статье анализа, с одной стороны, обращены к выявлению бессмертной сущности собственной души, с другой — устремлены к ви́дению невидимой физическими глазами духовной реальности, что и является ярким свидетельством феноменологической основы художественного постижения в поэме. Двойная нацеленность восприятия говорит о двух сторонах единой в своей основе духовной деятельности поэта, поскольку знание о высшей реальности почерпывается им из ее зеркального отражения в самом себе, в своем «внутреннем человеке», в собственной психической сфере. Как писал Андрей Белый, «в личном открывается сверхличное» [Белый 1909, с. 77]. В то же время невзирая на то, что процесс познания у лирического героя сосредоточен в субъективном пространстве его души, он абсолютно убежден в его объективных результатах, — что является специфической чертой феноменологического восприятия.

Литература

Августин — *Августин Аврелий*. Творения: В 4 т. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 2000. Т. 1. 742 с.

Аркос — *Аркос Р.* Анатоль Франс // Весы. 1909. № 6. С. 93–99.

[13] См. подробнее в работах В. Н. Быстрова: [Быстров 2012; 2017].

Белый 1909 — *Белый А.* Настоящее и будущее русской литературы // Весы. 1909. № 3. С. 71–82.

Белый 1921 — *Белый А.* Первое свидание. Пб.: Алконост, 1921. 70 с.

Белый 2004 — *Белый А.* Душа самосознающая. М.: Канон+, 2004. 560 с.

Бонецкая — *Бонецкая Н.* Русский экзистенциализм и антропософия // Звезда. 2020. № 1. С. 239–258.

Быстров 2012 — *Быстров В. Н.* Между утопией и трагедией: Идея Преображения мира у русских символистов. М.: Прогресс-Плеяда; Круг, 2012. 382 с.

Быстров 2017 — *Быстров В. Н.* «Какой-то новый мир мерещился вдали...»: (Идея обновления мира в творчестве русских символистов) // Русская классика: К 85-летию со дня рождения Н. Н. Скатова. СПб.: Росток, 2017. С. 492–512.

Гагарин — *Гагарин А. С.* «Homo interior» Августина Аврелия (Блаженного) // Дискурс-Пи. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2006. Вып. 6: Дискурс современных мифологий. С. 64–67.

Гиппиус 1913 — *Гиппиус Вл.* Святое беспокойство // Речь. 1913. № 130 (2442), 15 (28) мая. С. 2.

Гиппиус 1914 — *Гиппиус Вл.* Шекспир и Россия // Отклики: Бесплатное приложение к № 111 газеты «День». 1914. № 16. С. 8–10.

Гиппиус 1918 — *Гиппиус Вл.* Предчувствия // Мелос: Книги о музыке. Пб.: Гос. тип., 1918. Кн. 2. С. 97–117.

Гиппиус 1922 — *Гиппиус Вл.* Лик человеческий. Пб.; Берлин: Эпоха, 1922. 278 с.

Гиппиус 1996 — *Гиппиус Вл.* О самом себе / Подгот. текста, публ., послесл. Евг. Биневича // Петрополь: Лит. панорама, 1993–1996. СПб., 1996. С. 119–132.

Гоготишвили — *Гоготишвили Л.* Рецепция символизма в гуманитарных науках (лингвофилософский аспект) // Литературоведение как литература. М.: Языки славянских культур; Прогресс-традиция, 2004. С. 148–175.

Иванов Вяч. — *Иванов Вяч.* Младенчество. Пб.: Алконост, 1918. 57 с.

Иванов-Разумник 1922a — *Иванов-Разумник Р. В.* «Три богатыря» // Летопись дома литераторов. 1922. № 3 (7). С. 5.

Иванов-Разумник 1922b — *Иванов-Разумник Р. В.* «Три богатыря» // Иванов-Разумник Р. В. Творчество и критика: Статьи критические. Пб.: Колос, 1922. С. 128–131.

Игошева — *Игошева Т. В.* Вл. Гиппиус-критик в свете «органической критики» Аполлона Григорьева // Русские поэты XX века: Материалы и исследования: Владимир Гиппиус (1876–1941); Василий Гиппиус (1890–1942) / Отв. ред. Г. В. Петрова. М.: Азбуковник, 2024. С. 179–197.

Магомедова — *Магомедова Д. М.* Модель мистериальной биографии в обсуждении кризиса символизма в 1910 году // Шахматовский вестник. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Вып. 12. С. 70–79.

Мерло-Понти — *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия. СПб.: Ювента; Наука, 1999. 606 с.

Ницше 1901 — *Ницше Ф.* Собр. соч. М.: Изд. М. В. Клюкина, [1901]. Т. 7: Веселая наука / Пер. А. Николаев. 329 с.

Ницше 1990 — *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра / Пер. Ю. М. Антоновского // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. / Под ред. К. А. Свасьяна. М.: Мысль, 1990. Т. 2. С. 5–237.

Рыкунина — *Рыкунина Ю. А.* Владимир Гиппиус об акмеистах: «Учителя и ученики» // Литературный факт. 2017. № 5. С. 207–224.

Титаренко 2009 — *Титаренко С. Д.* Мистериально-мифологическая природа жанра мелопеи «Человек» в творчестве Вячеслава Иванова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. 2009. Вып. 2, ч. 2. С. 55–65.

Титаренко 2016 — *Титаренко С. Д.* Поэма Вячеслава Иванова «Младенчество»: символический язык автобиографического мифа // Вяч. Иванов: Pro et contra: Личность и творчество Вячеслава Иванова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей: Антология. СПб.: РХГА, 2016. Т. 2. С. 351–368. (Русский путь).

Федотова — *Федотова С. В.* В лабиринте формы мелопеи «Человек» // Иванов Вяч. Человек. Приложение: статьи и материалы. М.: Прогресс-Плеяда, 2006. С. 73–102.

Франк — *Франк С. Л.* Смысл жизни. Брюссель: Жизнь с Богом, 1976. 177 с.

Хайдеггер 2007 — *Хайдеггер М.* Ницше: В 2 т. / Пер. с нем. А. П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2007. Т. 2. 604 с.

Хайдеггер 2013 — *Хайдеггер М.* Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Академ. проект, 2013. 460 с.

Элен — *Элен П.* Онтология и антропология С. Л. Франка / Предисл., пер. с нем. и коммент. А. С. Цыганкова; ред. Н. П. Волкова М.: ИФРАН, 2017. 149 с.

References

Avgustin, A. (2000). *Tvoreniya: V 4 t.* [*Creations: In 4 vols*.]. St. Petersburg: Aleteiya; Kiev: UCIMM-Press Publ. Vol. 1, 742 p. (In Russ.).

Belyi, A. (2004). *Dusha samosoznayushchaya* [*The Soul Is Self-Aware*]. Moscow: Kanon+ Publ., 560 p. (In Russ.).

Bonetskaya, N. (2020). 'Russkii ekzistentsializm i antroposofiya' ['Russian Existentialism and Anthroposophy'], *Zvezda*, 1, 239–258. (In Russ.).

Bystrov, V. N. (2012). *Mezhdu utopiei i tragediei. Ideya Preobrazheniya mira u russkikh simvolistov* [*Between Utopia and Tragedy. The Idea of Transformation of the World in Russian Symbolists*]. Moscow: Progress-Pleyada Publ., 382 p. (In Russ.).

Bystrov, V. N. (2017). '"Kakoi-to novyi mir mereshchilsya vdali..." (Ideya obnovleniya mira v tvorchestve russkikh simvolistov')' ['"Some New World Seemed to Be in the Distance..." (The Idea of World Renewal in the Works of Russian Symbolists)'], in: *Russkaya klassika*. St. Petersburg: Rostok, 492–512. (In Russ.).

Elen, P. (2017). *Ontologiya i antropologiya S. L. Franka* [*Ontology and Anthropology of Semyon Frank*]. Moscow: Institute of Philosophy of the RAS Publ., 149 p. (In Russ.).

Fedotova, S. V. (2006). 'V labirinte formy melopei "Chelovek"' ['In the Labyrinth of the Melopea Form "Man"'], in: Ivanov, Vyach. *Chelovek. Prilozhenie*: *stat'i i materialy.* Moscow: Progress-Pleyada Publ., 73–102. (In Russ.).

Frank, S. L. (1976). *Smysl zhizni* [*The Meaning of Life*]. Bryussel': Zhizn' s Bogom Publ., 177 p. (In Russ.).

Gagarin, A. S. (2006). '"Homo interior" Avgustina Avreliya (Blazhennogo)' ['"Homo Interior" by Augustine Aurelius (Blessed)'], in: *Diskurs-Pi. Vypusk 6: Diskurs sovremennykh mifologii*. Ekaterinburg: Ural University Publ., 64–67. (In Russ.).

Gippius, Vl. (1996). 'O samom sebe' ['About Myself'], *Petropol'. Literaturnaya panorama. 1993–1996*, 119–132. (In Russ.).

Gogotishvili, L. (2004). 'Retseptsiya simvolizma v gumanitarnykh naukakh (lingvofilosofskii aspekt)' ['Reception of Symbolism in the Humanities (Linguo-Philosophical Aspect)'],

in: *Literaturovedenie kak literatura* [*Literary Criticism as Literature*]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, Progress-traditsiya Publ., 148–175. (In Russ.).

Heidegger, M. (2007). *Nitsshe* [*Nietzsche*]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ. Vol. 2, 604 p. (In Russ.).

Heidegger, M. (2013). *Bytie i vremya* [*Being and Time*]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 460 p. (In Russ.).

Igosheva, T. V. (2024). 'Vl. Gippius-kritik v svete "organicheskoi kritiki" Apollona Grigor'eva' ['Gippius as the Critic in Light of Apollon Grigoriev's "Organic Criticism"'], in: Petrova, G. V., ed., *Russkie poety XX veka: materialy i issledovaniya. Vladimir Gippius (1876–1941); Vasilii Gippius (1890–1942)* [*Russian Poets of the 20th Century: Materials and Research. Vladimir Gippius (1876–1941); Vasily Gippius (1890–1942)*]. Moscow: Azbukovnik Publ., 179–197. (In Russ.).

Magomedova, D. M. (2011). 'Model' misterial'noi biografii v obsuzhdenii krizisa simvolizma v 1910 godu' ['The Mystery Biography Model in the Discussion of the Crisis of Symbolism in 1910'], in: *Shakhmatovskii vestnik*. Moscow: Institute of World Literature RAS Publ. Vyp. 12, 70–79. (In Russ.).

Merleau-Ponty, M. (1999). *Fenomenologiya vospriyatiya* [*Phenomenology of Perception*]. St. Petersburg: Yuventa; Nauka Publ., 606 p. (In Russ.).

Nietzsche, F. (1990). 'Tak govoril Zaratustra' ['Thus Spoke Zarathustra'], in: Nietzsche F. *Sochineniya*: *V 2 t.* [*Works: In 2 vols.*]. Moscow: Mysl' Publ. Vol. 2, 5–237. (In Russ.).

Rykunina, Yu. A. (2017). 'Vladimir Gippius ob akmeistakh: "Uchitelya i ucheniki"' ['Vladimir Gippius on the Acmeists: "Teachers and Students"'], *Literaturnyi fakt*, 5, 207–224. (In Russ.).

Titarenko, S. D. (2009). 'Misterial'no-mifologicheskaya priroda zhanra melopei "Chelovek" v tvorchestve Vyacheslava Ivanova' ['The Mysterious-Mythological Nature of the Melopoeia Genre "Man" in the Works of Vyacheslav Ivanov'], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Ser. 9. Vol. 2, 2, 55–65. (In Russ.).

Titarenko, S. D. (2016). 'Poema Vyacheslava Ivanova "Mladenchestvo": simvolicheskii yazyk avtobiograficheskogo mifa' ['Vyacheslav Ivanov's Poem "Infancy": Symbolic Language of Autobiographical Myth'], in: Shishkin, A. B., ed., *Vyach. Ivanov: Pro et contra. Antologiya*. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy. Vol. 2, 351–368. (In Russ.).